2шк
Д
БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
2195
26

ДВА ЗАСѢДАНІЯ

КОМИТЕТА МИНИСТРОВЪ.

Когда праздновался 25-лѣтній юбилей царствованія Николая I, одинъ изъ типичнѣйшихъ русскихъ сановниковъ—Клейнмихель сказалъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что русскій народъ будетъ облагодѣтельствованъ, если Россію переименуютъ въ Николаевку.

«Въ Николаевку?...» удивленно переспросилъ государь и задумался. «Нѣтъ, нужно обождать», рѣшилъ онъ.

Переименованіе не состоялось. Но на дѣлѣ Россія не что иное, какъ Николаевка, Александровка и т. д., глядя по тому, кто въ ней царствуетъ; это не государство, а громадное помѣстье, съ 80-милл. населеніемъ, которымъ заправляютъ тысячи управителей, безъ зазрѣнія совѣсти попирающихъ человѣческія и гражданскія права своихъ «вѣрноподданныхъ» и даже тотъ формальный законъ, который они сами создали якобы къ

общему руководству. И съ каждымъ днемъ у всякаго изъ насъ, русскаго гражданина и человѣка, прибавляется на спинѣ по новому рубцу отъ бича русскихъ опричниковъ, переименованныхъ, какъ-бы въ насмѣшку, въ государственныхъ людей, мнящихъ себя чуть не спасителями отечества!

Прошло лишь нѣсколько дней, какъ рѣшено дѣло В. И. Засулячъ, а уже сколько новыхъ ударовъ жестокаго, деспотическаго бича легло за это время на русскую спину!... И за что? За то лишь, что отъ выстрѣла геройской, честной русской дѣвушки и вслѣдствіе нападенія полиціи и жандармовъ на мирную толпу 31-го марта проснулась и заговорила совѣсть въ русскомъ обществѣ, пробудилось въ немъ чувство человѣческаго достоинства!

Опричники вспохлопотались; но тотчасъ же собрались съ духомъ и съ еще большимъ усердіемъ принялись издѣваться надъ закономъ, душить русское общество — убивать въ немъ здравый смыслъ и честный голосъ!

31 марта, черезъ 4 часа послѣ приговора присяжныхъ, оправдавшихъ В. Засуличъ, уже засѣдалъ комитетъ министровъ. Ихъ испугалъ неожиданный вердиктъ присяжныхъ. И не мудрено: всѣ они не что иное, какъ Треповы, и заслуживаютъ такой же награды за свои заслуги...

Министры внутреннихъ дѣлъ и юстиціи (Тимашевъ и Паленъ) предложили на обсужденіе комитета такую мѣру, имѣвшую цѣлію обузданіе русскаго общества: «производить давленіе на судъ и, если по-

требуютъ обстоятельствъ, уничтожить судъ присяжныхъ». Но какъ ни подлы люди, засѣдающіе въ комитетѣ министровъ, но и между ними нашлось трое, которые хотя и распоряжаются въ Россіи, какъ въ Александровкѣ, но тѣмъ не менѣе побоялись уничтожить судъ присяжныхъ и поняли, что это слишкомъ опасная игра. На этотъ разъ комитетъ министровъ не пришелъ ни къ какому соглашенію.

Прошло 1-е и 2-е апрѣля. Тѣмъ временемъ царь и вся царская фамилія сдѣлали визитъ Трепову. Треповъ, ободренный такимъ наглымъ пренебреженіемъ русскаго общественнаго мнѣнія, выразившагося въ оправдательномъ приговорѣ суда, нашелъ возможнымъ 2-го апрѣля прогуляться по улицамъ Петербурга, тогда какъ 31 марта онъ не только не явился въ судъ, но даже отказался принять судъ у себя на дому, ссылаясь на болѣзнь.

А между тѣмъ, въ теченіе этихъ двухъ дней вся петербургская и московская печать (кромѣ «Моск. Вѣд.» и «Гражданина») выразили такое сочувствіе подвигу В. Засуличъ и оправданію ея, какого никогда не бывало прежде въ Александровкѣ, какого никакъ не ожидали русскіе царскіе слуги.

Голова пошла у нихъ кругомъ. 3-го апрѣля вечеромъ снова засѣдалъ совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ своего самодержца. На обсужденіе совѣта Тимашевъ внесъ такое предложеніе: «каждое должностное лицо, при отправленіи имъ служебныхъ обязанностей, по своей неприкосновенности приравнивается часовому и дѣла о лицахъ, нарушающихъ эту неприкосновенность, изъемлются изъ вѣдѣнія

суда присяжныхъ». Смыслъ этого предложенія таковъ: каждый, поднявшій руку на любаго городоваго, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, подлежитъ ссылкѣ въ каторгу. Больше другихъ отстаивалъ это гнусное предложеніе Паленъ, безсердечный дуракъ и величайшій изъ русскихъ негоддевъ, которому мало ссылки въ каторгу, который, какъ министръ юстиціи, постояннымъ и систематическимъ нарушеніемъ и искаженіемъ законовъ, хоть сколько нибудь ограждающихъ личность человѣка, давно заслужилъ одинаковую съ Треповымъ участь. Долго ломали голову министры надъ обращеніемъ чиновниковъ въ часовыхъ, но устыдились однако этой мѣры, и предложеніе Тимашева провалилось.

— Если министры считаютъ удобнымъ сидѣть на пороховой бочкѣ, припугнулъ Тимашевъ, — это ихъ дѣло!

— Какой же однако подлецъ Тимашевъ! замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ довольно громко.

Но это его не смутило. Недовольный тѣмъ, что даже царь отвернулся отъ его предложенія, Тимашевъ, выходя изъ засѣданія, замѣтилъ одному изъ своихъ товарищей: «Il ne sait pas où il va»!

Но министры собрались не даромъ: имъ нужно было спасать свою шкуру, имъ нужно было упрочить за собою право воровать, развратничать, угнетать народъ, хозяйничать въ Александровкѣ по собственному произволу. Въ совѣтѣ министровъ безъ возраженія приняты слѣд. предложенія, внесенныя самимъ императоромъ:

1. Обуздать печать и выработать въ этомъ отношеніи новыя правила.

2. Принять строжайшія мѣры къ обузданію учащейся молодежи и обратить особое вниманіе на элементарныя школы въ смыслѣ сокращенія ихъ программъ.

3. Въ сомнительныхъ случаяхъ предоставить III отдѣленію опредѣлять, какія дѣла подлежатъ суду присяжныхъ и какія не подлежатъ.

Новаго въ этихъ рѣшеніяхъ нѣтъ ничего. На практикѣ русская печать и безъ того испошлена и забита до невозможности; вмѣсто законовъ о печати свирѣпствуетъ произволъ министра внутреннихъ дѣлъ: органы слова закрываются не по суду, а по прихоти Тимашева, прикрытой высочайшимъ повелѣніемъ (недавній примѣръ съ «Сѣверн. Вѣстн.»). Надъ русскою молодежью стоятъ городовые и жандармы, заглядываютъ ей въ душу и опредѣляютъ степень ея честности и гражданственности; самыхъ честныхъ изъ этой молодежи душатъ въ казематахъ безъ суда и слѣдствія. Программы русскихъ элементарныхъ школъ доведены до минимума: это — тупая учоба, пародія на образованіе, безчестный обманъ русскаго народа, но не образованіе. III отдѣленіе всегда вмѣшивалось вездѣ и во все и расправлялось, какъ ему угодно, никому не давая въ этомъ отчета, даже верховной власти. Это такое учрежденіе, которое пользуется почти всѣми прерогативами верховной власти, не имѣетъ рамокъ, опредѣленныхъ закономъ, не имѣетъ устава, не подлежитъ никакому контролю, не ведетъ отчетовъ. Это—глаза и руки

монархическаго неограниченнаго образа правленія; это—самъ произволъ, воплощенная жестокость, нѣчто стихійное!...

Спрашивается: кому и для чего потребовались эти постановленія совѣта министровъ? Только для того, чтобы, облекая въ легальную форму вопіющій произволъ и явное зло, навсегда заклеймить позоромъ клеветниковъ, подвизающихся въ русской печати и не смотря ни на что не перестающихъ сознательно лгать, разсказывая намъ о благодѣтельномъ вліяніи реформъ нынѣшняго царствованія; чтобы пристыдить тѣхъ простодушныхъ людей, которые до сихъ поръ еще думаютъ, что въ такъ называемыхъ реформахъ нынѣшняго царствованія есть что-нибудь, кромѣ пустой, безсодержательной формы, обмана русскаго общества и народа.

Постановленіе совѣта министровъ 3-го апрѣля быстро приводится въ исполненіе. Къ 8-му апрѣля уже были изготовлены два проэкта: 1) объ измѣненіи подсудности по всѣмъ преступленіямъ, направленнымъ противъ лицъ, состоящихъ на службѣ, и 2) объ измѣненіи закона 1872 г. о подсудности дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

Первый проэктъ направленъ къ тому, чтобы преступленія противъ чиновниковъ разбирались и рѣшались безъ присяжныхъ, особымъ, негласнымъ судомъ, т. е. чтобы обратить правосудіе въ фикцію.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ второй проэктъ. Вслѣдъ за Нечаевскимъ процессомъ, какъ извѣстно, послѣдовалъ въ 72 г. законъ о подсудности политическихъ дѣлъ особому прис. сената—присутствію,

съ первыхъ шаговъ опозорившему себя цѣлымъ рядомъ завѣдомо, безсовѣстныхъ приговоровъ. Но, какъ это ни странно съ перваго взгляда, это учрежденіе принесло и нѣкоторую услугу. Сосредоточеніе всѣхъ полит. дѣлъ въ Петербургѣ способствовало воспитанію въ русскомъ обществѣ вниманія и уваженія къ полит. подсудимымъ. Оно возмутило въ столицѣ общественное мнѣніе. Теперь не только примирились съ мыслію о полит. процессахъ, ихъ ждутъ, желаютъ ихъ и уже понимаютъ, насколько безкорыстные мученики за идею способствовали просвѣтлѣнію сознанія русскаго общества. Такъ относится въ настоящее время къ политическимъ процессамъ даже періодическая печать —продажная, лакейская русская печать. Администрація увидѣла это и 8 апрѣля рѣшилась измѣнить законъ 72 г. въ смыслѣ возможно большаго раздробленія полит. процессовъ и перенесенія ихъ изъ столицы въ провинціальные центры.

Этимъ господа министры безсознательно оказываютъ русскому обществу только новую услугу. Отнынѣ и провинція воочію убѣдится, кого судятъ, за что судятъ и какъ судятъ, и сживется съ политическими процессами настолько же, насколько сжилась съ ними столица.

Словомъ, опричники ощутили справедливый страхъ за собственную шкуру и хотятъ создать терроръ: ихъ бичъ свищетъ неистово и щедро сыплются удары на русскую спину.

Тѣмъ лучше! Русская общественная совѣсть, пробужденная дѣломъ Вѣры Засуличъ, съ каждымъ

новымъ ударомъ бичъ будетъ пробуждаться больше и больше. И всѣ, въ комъ еще не убитъ здравый смыслъ и не умерла совѣсть, должны понять, какъ подлы и преступны наши опричники — всѣ тѣ, кого величаютъ русскими сановниками, министрами, администраторами, какое беззаконіе, сколько варварства представляется во всѣхъ ихъ мѣропріятіяхъ, съ какимъ необузданнымъ насиліемъ опекаютъ они русскій народъ — 80-милліонное населеніе, съ какою наглостью превращаютъ они Россію въ простую Александровку!...

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Печатано въ „Вольной Русской Типографіи“.